

Кромка

Автор:

Василий Сахаров

Кромка

Василий Иванович Сахаров

Кромка #1

Олег Курбатов потерял близких и остался совершенно один. У него не осталось ничего, кроме желания отомстить, и он был готов пойти на убийство человека, который виновен в смерти его сестры. Казалось, что это конец жизни и после совершения тяжкого преступления ему придется скрываться от правосудия. Но это только начало новой жизни и благодаря случайности, он оказался в параллельном мире под названием Кромка, где сложно выжить. Слишком много здесь опасностей. Дикари и бесы, мутанты и демоны, людоловы и разбойники. Противников много, а друзей у Олега мало.

Однако он не унывает. Новый мир. Новая жизнь. Новая судьба. Олег Курбатов начинает свой путь и впереди его ждет трудная борьба за выживание.

Василий Сахаров

Кромка

1

Вначале было слово, точнее сказать два.

– Ушел, сука! – выдохнул я, после чего рванулся в темноту, споткнулся и полетел в незамеченную яму.

Лицом вниз рухнул в перепрелую листву, задел какую-то крупную корягу, и карабин выпал из рук.

Вокруг царила тишина. Ни шороха, ни звука. Только ночной лес и туман. Нет истошных воплей ублюдка, которого мне хотелось убить и не слышно топота шагов.

Повалявшись на земле, пришел в себя, встал и поднял оружие. После чего осмотрелся и направился к дороге, где находилась моя старенькая «шестерка».

Ноги в потрепанных ботинках, которые не жаль выбросить, ступали по палой листве осторожно, ствол гладкоствольного карабина «Сайга» обшаривал окрестности и я старался услышать хоть что-нибудь. Но все бесполезно. Тишина. Давящая, тревожная, гнетущая и несвойственная ночному осеннему лесу. Нет шуршания мелких зверушек и стрекота скачущих по веткам ночных птиц. Не опадал на землю конденсат и почему-то отсутствовал шорох палой листвы. Лишь темные высокие деревья, обступавший меня со всех сторон туман и призрачный свет кажущейся огромной Луны.

Поначалу внимания на все эти странности не обратил. Был занят своими мыслями и корил себя за то, что упустил ублюдка. Но вскоре пришел в себя, отметил отсутствие звуков и подумал, что от стресса у меня что-то со слухом.

Я остановился. Снова огляделся и левой рукой провел по камуфляжной куртке. С чувствами все в порядке. Ладонь ощутила влагу, которая оседала на одежду, а уши уловили характерный звук сминаемого синтетического материала.

«Значит, странность не во мне, а в том, что вокруг, – подумал я. – Но это все чепуха. Главное сейчас к дороге выйти. Наверняка, ублюдок туда рванет, а я его встречу и все-таки пристрелю».

При этом в голове машинальная отметка, что вокруг не клены и дубки, которые находились вокруг, когда я вбежал в туман, а сосны, самые настоящие, таежные. Это было странно. Однако всерьез меня это не заинтересовало, поскольку я искал приметный ориентир. Вот только ничего не находил. И чем

дольше стоял на одном месте, тем больше терялся. Лес незнакомый. Тропинок нет. Птиц нет. Зверья тоже. Нет совершенно ничего живого или того, что могло бы послужить свидетельством присутствия людей.

«Спокойно, Олег, – успокоил я сам себя. – Ты только панике не поддавайся, и все будет хорошо. Дорога есть. Она рядом. Просто ты свернул с тропинки и попал в ту часть леса, где никогда раньше не бывал. Может такое быть? Нет, не может, – ответ пришел моментально. – Все окрестные чащобы, которые не особо велики, я излазил, когда по весне на майские праздники отдыхать выезжал, и заблудиться здесь практически невозможно. Ну и, кроме того, мне известно, что сосен здесь не было. Тем более таких больших. Потому что мы в Подмосковье, а не на Урале или в Сибири. Тогда в чем дело? Неизвестно».

На время, отбросив прочь рассуждения, я снова двинулся прямо. Шел быстро, и никуда не сворачивая. Отмахал около километра и остановился. Впереди и позади те же самые сосны. А вот дорога, от которой я и ублюдок отошли всего на двести метров, отсутствовала.

– Мать его! – со злостью тихо прошипел я и присел под ближайшее дерево.

Карабин лег на колени. После чего я достал из кармана сигареты и зажигалку. Чиркнуло колесико. Появился синеватый язычок пламени. Сигарета затлела и, втянув в себя горьковатый дым, я зажал дымящуюся белую палочку в ладони, а затем вспомнил о том, что заставило меня среди ночи выехать в лес...

Меня зовут Олег Курбатов и я самый обычный человек. На просторах России таких миллионы. Родился в 1989-м году. Учился. Не привлекался. Не состоял. Служил в армии. В горячей точке не был, обычный рядовой в роте охраны военного аэродрома. Увольнение в запас, и возвращение домой, в родной подмосковный городок. Здесь меня встретила мать, замордованная нелегкой жизнью женщина, и Наташа, старшая сестра, которая не так давно вышла замуж.

Отгуляв недельку, я устроился на работу в небольшую фирму, которая производила строительную плитку. Со временем смог купить потрепанную «шестерку», свои первые колеса, и накопил немного денег. В общем, все как у большинства людей. Проблемы, заботы, хлопоты и какие-то планы на будущее.

В суете совершенно незаметно пролетели три года, и в мою жизнь вторглась беда. Пропала сестра, которая поздно вечером возвращалась с работы и исчезла, а ее муж, в прошлом толковый человек с золотыми руками, а ныне алкоголик и дебошир, ничего о судьбе своей второй половины не знал. В последнее время самым главным для него стало опохмелиться после вчерашнего и в течение дня не понизить градус. Поэтому рассказать, надо отметить, за литр спирта, он смог немного. Наталья жаловалась на одного мужика, который жил неподалеку. Мол, пристаёт, следит и делает ей некрасивые намеки. И на этом все.

Милиция, с недавних пор полиция, мужика опросила. Но у того имелось хорошее алиби, и от него отстали. А что касается поисков Натальи, то ее особо и не искали. Каждый день в России пропадает от двухсот до двухсот пятидесяти человек. В общей сложности, порядка ста тысяч граждан ежегодно. Так что же, всех искать? Тут никаких правоохранительных органов не хватит. Именно так объяснил мне ситуацию одноклассник, который после армии устроился на работу в МВД.

Что делать? Я решил продолжить поиски самостоятельно и начал с того самого мужика, который приставал к сестре. Однако сразу заняться им всерьез не получилось.

Старая народная мудрость гласит – беда не приходит одна. Вот и у меня так. Заболела мать. После исчезновения сестры у нее начались проблемы с сердцем, и пока я бегал по врачам, а потом искал деньги на сложную операцию, пролетело полгода. Мать все же умерла, не помогли ни дорогостоящие препараты, ни хорошие специалисты. Все было напрасно. Потерявшая единственную дочь женщина не хотела жить, и медицина в таких случаях просто бессильна.

В итоге я остался в этой жизни один. И вернувшись в заводское общежитие, на окраине родного городка, где на последние деньги снял комнатку, я встал перед старым ростовым зеркалом на облупившейся стене и всмотрелся в себя. Молодой стройный брюнет. Глаза карие. Рост метр семьдесят девять. Вес восемьдесят килограмм. Крепкий. Плечи широкие. Здоровье приличное. Из вредных привычек курение. Особых навыков по жизни нет. Семьи нет. Денег нет. Работа потеряна. Однокомнатная квартира продана. Имущества всего ничего. Пара чемоданов с пожитками и потрепанный временем автомобиль, которому столько же лет, сколько и мне. Постоянной подруги нет. Близкие родственники отсутствуют и впереди ничего хорошего. Но в то же самое время, я подумал о

том, что теперь сам по себе и могу делать, что угодно. Например, поехать на север, где армейский дружок предлагал устроить на хорошую работу, или подписать контракт на службу в армии, или отправиться в Москву, где трудилась половина нашего провинциального городка. Поэтому, если взглянуть на положение, в котором я оказался, с точки зрения неисправимого оптимиста, передо мной был весь мир и вся жизнь. Однако не все так просто. Прежде всего, нужно отдать долги, а еще следовало разобраться, куда на самом деле пропала Наталья. И начать я собирался с того самого мужика, который преследовал сестру.

Решение было принято, и я перешел к активным действиям. А поскольку я не был спецназовцем из патриотических кинофильмов и бравым честным ментом, который пачками уничтожает преступников, все мои поступки были просты и прямолинейны. Я стал присматривать за подозрительным мужиком и собирать на него информацию. Времени на это потратил немало и вскоре кое-что узнал.

Одинокий сорокалетний человек, Каюмов Иван Расулович. Менеджер среднего звена в солидной конторе. Невысокий толстячок с обрюзгшим лицом и парой крупных бородавок. Регулярно покупал на рынке диски с порнухой, в основном, инсценировками изнасилований. Имел зарегистрированный карабин «Сайга» 12-го калибра, но не охотник и не стрелок. По пятницам посещал собрания и семинары пока еще не запрещенной секты «Светлый Путь». Иногда вместе с «братьями и сестрами» выезжал на природу. Среди родственников имелся крупный чин в городской полиции. Жил тихо и смирно, вот только на женщин чужих засматривался и, как правило, все они были похожи на мою сестру, невысокие миловидные брюнетки двадцати пяти лет с обручальным кольцом на пальце. Почему Ивана Расуловича привлекали именно они? Этого я не знал. Но за несколько дней, пока ходил за Каюмовым, заметил, что лишь только в пределах его видимости появлялась женщина определенного типа, как тихий и скромный менеджер преображался. Он словно становился выше ростом и крепче, а в движениях появлялась вальяжность и уверенность в себе. И если женщина была одна, он обязательно пытался с ней познакомиться и действовал напористо. Однако что-то в нем отталкивало представительниц прекрасной половины человечества. Поэтому Каюмов быстро сдувался и поспешно отступал, иногда с матами и угрозами в адрес женщины.

Естественно, подобное поведение менеджера не могло не показаться странным. И вскоре я пришел к выводу, что Каюмов как-то причастен к пропаже сестры. И эта мысль билась в моей в голове, словно пепел Клааса, который стучал в сердце

Уленшпигеля. С этой мыслью я засыпал и просыпался. Слежка за Каюмовым стала моей манией, а желание отомстить не давало покоя. И, в конце концов, я решился на рискованный поступок, а именно на проникновение в квартиру подозреваемого, его избиение, незаконный обыск и допрос. Милицию при этом решил не привлекать в любом случае, потому что доказательств, которые бы обличали Каюмова, у меня не было, а предчувствия, как говорится, к делу не подошьешь. А ко всему этому родственник Ивана Расуловича, наверняка, постарается замять дело, а меня загнать туда, куда Макар телят не гонял. Следовательно, рассчитывать на помощь со стороны не приходилось.

Каюмов проживал в одном из тихих спальных районов города, на втором этаже старого пятиэтажного дома. Что и как делать я определился заранее. И когда Иван Расулович вернулся с работы домой, я уже был на месте. Перед самым приходом маньяка, как я сам его для себя определил, занял позицию этажом выше. Дождался возвращения Каюмова и когда он стал открывать дверь квартиры, спустился вниз и резким боковым ударом ноги в спину толкнул его внутрь. Затем последовал за ним, приложил менеджера по голове заранее приготовленной дубинкой, которая была обтянута кожаными ремнями и, вырубив Ивана Расуловича, закрыл за собой дверь.

Первый этап операции прошел успешно. После чего я связал хозяина квартиры приготовленной для этого случая бельевой веревкой и совершенно спокойно, словно так и надо, осмотрелся и приступил к обыску. Стены в квартире были толстыми и покрыты дорогими звукоизолирующими панелями с прослойкой из войлока. Это была еще одна странность Каюмова, которую я заметил, начиная осмотр помещений. И открывая комоды, шкафы и ящики письменного стола, все время надеялся найти нечто, что послужит оправданием моего поступка. Однако ничего не было. В квартире сорокалетнего холостяка имелась жесткая порнушка, как видео, так и журнальчики, но это законом не запрещено. И когда я хотел покинуть жилище Каюмова, который все еще находился без сознания, взгляд наткнулся на оружейный сейф.

«Чем черт не шутит, – промелькнула мысль, – а вдруг что-то отыщется?»

Я обыскал Ивана Расуловича, нашел при нем связку ключей и один из них подошел к сейфу. Затем я его вскрыл и обнаружил гладкоствольный карабин «Сайга-12С», сотню патронов, пулевых и с крупной картечью, масло для чистки оружия, и прозрачную пластиковую коробку с несколькими десятками фотографий.

При виде находки сердце вздрогнуло. Слегка подрагивающие руки подняли крышку, взяли верхнюю фотографию, и я увидел на ней свою сестру.

Наталья была совершенно голой, а ее лицо и тело украшали многочисленные кровоподтеки и порезы. Женщину привязали к колышкам на покрытой свежей весенней травой поляне, глаза ее были навыкате, а рот раззявлен в крике.

Глядя на фотографию, я почувствовал такую боль, словно меня самого пытали. И чувство это было настолько сильным, что я застонал и меня скрутило.

Впрочем, вскоре слабость отступила. Я вновь собрался и стал прежним Олегом Курбатовым, только более жестким и уже готовым на убийство ублюдка, который пытал мою сестру. И продолжая накручивать себя, собирая в единое целое лютую злобу на лежащего в соседней комнате недочеловека, я продолжал рассматривать снимки. Одно изображение сменяло другое. Я видел свою сестру и других женщин, а всего насчитал четыре жертвы Каюмова, который, наверняка, действовал не один. А помимо этого, по приметному пейзажу за спиной одной из жертв, которую насильник и садист привязал к дереву, узнал место, где совершались убийства. Это была заброшенная пятнадцать лет назад база отдыха за городом. Молодежь там часто бывала, в том числе и я, а последний раз всего за пару дней до исчезновения сестры.

Фотоснимки закончились и под ними, на дне коробки, был обнаружен странный амулет, медный крест из четырех узких неравносторонних треугольников на золотой цепочке. От предмета веяло чем-то недобрым и злым, и на миг показалось, что на меня кто-то смотрит. Однако в комнате никого не было, и ощущение плохого взгляда вскоре пропало. После этого я задумался. Что делать дальше? Но размышлял недолго, ибо для меня все на поверхности. Необходимо уничтожить маньяка, и сделать это надо на том самом месте, где он мучил и убивал своих жертв. Однако возникал еще один резонный вопрос. А как вытащить человека из его квартиры и незаметно вывезти загород? Дилемма. Хотя выход нашелся достаточно быстро. У Каюмова в квартире имелся хороший запас дорогого алкоголя, и если напоить его, пусть даже силком, проблем с тем, чтобы вывести ублюдка из дома не будет. Особенно если сделать это ближе к полуночи, когда в пятиэтажке все спят. Правда, была большая вероятность, что кто-то все же встретит меня и запомнит внешность, но в тот момент это казалось неважным. Я четко понимал, что маньяк жить не должен, а убить его в квартире неправильно.

Определившись со своими намерениями, я перешел в комнату, где находился Каюмов. Он уже очнулся и, увидев над собой меня, истошно закричал:

- Помогите!

- Заткнись! - носком ботинка я ударил Каюмова по ребрам.

Ублюдок посмотрел на меня своими заплывшими жиром глазками, разглядел в руках фотографии и амулет, а затем зло прошипел:

- Ты попал, мальчишка! Конкретно попал! Ты это понимаешь!?

Снова я ударил маньяка по ребрам. Присел рядом с ним на корточки, бросил ему под нос пару фотоснимков и спросил:

- За что же ты их так?

- Не твоего ума дела, сопляк! Немедленно развяжи меня, а не то пожалеешь, что на свет народился! Ты хоть понимаешь, с кем имеешь дело!? Да ты знаешь, какие у меня связи!? Развяжи! Живее!

В голосе неприметного и с виду хилого гражданина, бородавки которого были смешны, как и он сам, неожиданно прозвучали сильные властные нотки, и я дернулся, а руки сами по себе потянулись к веревке. Но клокотавшая во мне смесь из ярости и злости не дала сделать глупость, и я удержался. А затем, чтобы заткнуть Каюмову рот, встал на одно колено, навис над ним и стал месить его лицо кулаками. Удар! Еще один! Третий! Четвертый! Нос ублюдка был разбит, и из него потекла красная юшка, а следом под ударами лопнули губы и левая бровь.

Каюмов взвыл от боли и замолчал, а я прекратил избиение и заткнул пасть маньяка найденной на кухне грязной тряпкой. После чего немного успокоился. И понимая, что после убийства твари на двух ногах придется бежать из родного города, стал собираться в дорогу.

Среди вещей Каюмова нашел вместительный походный рюкзак. Видно, только недавно купленный менеджером, потому что на нем еще висела магазинная

бирка. Хорошая вещь и в него я стал скидывать все, что мне нравилось или казалось нужным. Двадцать тысяч рублей пятисотенными купюрами. Немного продуктов: хлеб, консервы и колбасу. Патроны. Сложенный карабин с одним снаряженным магазином на пять патронов. Плюс два запасных магазина. Простой туристический нож. Странный амулет. Пара бутылок водки. Новенький спальный мешок. Золотой перстень. Вот и все. Остальное брать не стал, ибо в поход не собирался, а планировал после убийства сразу направиться в сторону Москвы, по пути зарыть в придорожной чащобе оружие, и продолжить путь в столицу. А что дальше, особо не задумывался. Главное, уничтожить Каюмова.

Пока готовился и собирался, наступила ночь. На часах половина десятого. Пора выдвигаться. И взяв из бара литровую бутылку водки, я вновь присел рядом с Каюмовым и вынул из его рта импровизированный кляп. Секунду помедлил и, не давая маньяку отдышаться, ломая зубы, воткнул в рот ублюдка открытую бутылку. Каюмов пить не желал и сопротивлялся. Однако я зажал нос, и он был вынужден глотать прозрачную сорокаградусную жидкость. В один прием выпил треть. Затем столько же во второй. А перед третьим, выдохнул:

- Конец тебе! Дурак! Какой же ты кретин! Мои друзья в порошок тебя сотрут! Ты никто и ничто! Просто мясо!

- Посмотрим, - произнес я. - На место приедем и еще раз побеседуем, так сказать, на лоне природы. Там ты расскажешь про своих друзей и, может быть, я их тоже навещу.

- Какое лоно природы? - Каюмов насторожился.

- Поедем туда, где ты женщин убивал.

- Нет! Туда сегодня нельзя!

Я промолчал. Вновь воткнул в рот ублюдка бутылку, и заставил пленника выпить ее до дна. Кстати, с ним едва передозировка не случилась. Он сильно покраснел и пару раз сильно дернулся. Даже мысль промелькнула, что сейчас он сдохнет. Однако Каюмов, несмотря на свой невзрачный вид, оказался крепышом и здоровьем обладал хорошим. Поэтому вскоре оклемался и спустя несколько минут, когда избитый и пьяный Каюмов уже мало что соображал, я поднял его на ноги, накинул на плечи маньяка сброшенный в прихожей плащ и вывел на

лестничную клетку. Здесь никого не было. И только где-то на четвертом этаже кто-то разговаривал и звенел ключами.

«Отлично! – подумал я и сам себя подстегнул: – Надо спешить!»

Я поволок своего пленника на выход из дома. Спустились в подъезд, вышли во двор и снова везение. Опять никого. Моя машина находилась неподалеку и, погрузив связанного Каюмова на заднее сиденье, я повел «шестерку» в знакомое место. Улицы были полупустынны. «Шестерка» машина неприметная, а правил я не нарушал, так что гаишники меня не останавливали.

На территории заброшенной турбазы оказались около двенадцати часов ночи. Я выволок начинающего трезветь Каюмова из машины и потащил в сторону поляны, которую видел на фотографиях. Ублюдок спотыкался и ругал меня матерными словами, но я не обращал на это никакого внимания. На одной руке рюкзак с оружием, а другая, схватив веревку, которой был связан маньяк, тянула ее вверх, тем самым, заставляя Каюмова нагнувшись туловищем к земле, спешить вперед.

Далеко идти не пришлось. Двести метров по тропинке, и вот она, та самая поляна, залитое лунным светом пространство посреди большой рощи. И представив себе, как здесь умирала сестра и другие женщины, я сразу забыл, что собирался расспросить Каюмова о его друзьях и деяниях. Пинком под зад толкнул маньяка на траву. Затем сбросил с руки рюкзак, отстегнул клапана, одним рывком вынул карабин и нацелил его на маньяка.

Щелкнул предохранитель. Лязгнул затвор. И глядя на Каюмова, я сказал:

– Молись, твой час настал.

После этих слов я ожидал, что Каюмов постарается меня разжалобить, покается, заплачет или просто закроет глаза. Но он, покачиваясь из стороны в сторону, встав на ноги, посмотрел на стену тумана, который напознал на поляну от протекавшей неподалеку речушки и закричал:

– Хозяин, спаси меня!

Каюмов кричал так, словно видел кого-то, невидимого для меня и невольно я посмотрел на туман. Всего на пару секунд отвлекся, а ублюдок резко вскочил на ноги, и бегом рванулся в туман. Миг! И казавшийся совершенно пьяным толстенный человек на коротких ножках ускользнул.

Вскинув к плечу приклад карабина, я выстрелил ему в след. Однако то ли у меня навыка не было, то ли от оружия отвык, то ли ночная темнота или туман помешали, но я промазал. Спина Каюмова удалялась, и мне пришлось броситься за ним вслед. Я бежал за убийцей со всех ног, и уже нагонял его. Но он вломился в окружающие поляну густые кусты и исчез. Я продолжал мчаться по следам убийцы, но потерял его, а затем произошло падение, и наступила странная тишина...

Я вернулся в реальность оттого, что сигарета дотлела, и кропаль обжег ладонь. Вокруг все по-прежнему. Незнакомый сосновый лес. Дороги нет. Все тихо. Ни шума, ни постороннего звука. Что делать, не ясно. Но понятно одно – бродить по чащобе ночью не стоит. Значит, надо дождаться утра и, плотнее закутавшись в легкую камуфляжную куртку, всматриваясь в темноту, я застыл без движения. И как-то быстро заснул, хотя делать этого не собирался...

2

Пробуждение было тяжелым. Тело ломало, все же середина октября, а по утрам прохладно и сказывалась сырость от тумана. Руки заоченели, а глаза слезились. Однако жалеть себя я не стал. Мысленно обозвал себя идиотом, которого прячущийся где-то в лесу маньяк мог придушить голыми руками, и встал.

Все тот же сосновый лес. Вот только на ветках появились поющие свои песни лесные птицы и любопытные белки. Травы под ногами нет, зато много хвои и веток. Над чащобой всходило солнце. И первое, что я сделал, попытался обнаружить свои ночные следы. Они нашлись быстро, и я направился в сторону поляны, где так и не смог отомстить за Наташу и других женщин, имена которых мне неизвестны. Шел быстро, потому что торопился к машине. Однако вскоре был вынужден остановиться. Метров через семьсот-восемьсот цепочка следов оборвалась. Только что в относительно ровном покрывале из иголок пролегала

кривая полоса, обозначающая движение. И вот, ничего.

Снова вопрос. Что делать? Потоптался на одном месте и, прикинув, как двигался, продолжил движение. Направление выбрал верно, и вскоре оказался на поляне. Но совсем не на той, где находился ночью. Здесь не было дубов, кленов и ясеней, а только хвойные деревья. Однако в центре поляны валялся рюкзак, который я прихватил на квартире у Каюмова.

«Значит это все-таки та самая поляна? – озадачился я. – Нет. Не может быть. Но рюкзак здесь? Да. И как он здесь оказался? Очередной вопрос, который пока остается без ответа».

Я завертел головой из стороны в сторону и попытался понять, где нахожусь. И в этот момент, в кустарнике заметил серый плащ, бывший на Каюмове. Приготовил карабин и бегом устремился к нему. Но как только влетел в заросли, увидел, что убивать некого. Раскинув руки, Каюмов лежал на земле, а из его правого глаза торчала оперенная белыми гусиными перьями стрела.

– Что за... – хотел сказать я, однако договорить не успел.

Позади меня из кустарника, словно атакующий свою жертву питон, стремительно выскользнул невысокий крепыш в черной кожаной куртке и автоматом АК-47 в руках. После чего отточенным движением он нанес мне удар прикладом в голову.

Короткая вспышка в глазах и темнота. Я потерял сознание, а затем рухнул рядом с Каюмовым. И разница между нами в эту секунду была лишь в том, что он уже умер, а я пока еще нет.

3

В нос воткнулось что-то острое, я чихнул и от этого пришел в себя. Причем без переходов. Только что находился в беспомощности, а спустя мгновение уже в сознании. И первое чувство, которое я испытал, боль. Казалось, голова раскалывается на части, тело ломало, а язык во рту превратился в инородную

вещь, сухую и жесткую, словно дерево. Отекшие веки не поднимались, общее состояние плохое и дополнялось все связанными руками и ногами.

«Что со мной?» – спросил я себя и ответ пришел без промедления. Потому что вспомнилось все, что произошло до того, как я провалился во тьму. Родной город. Каюмов. Квартира маньяка. Обыск. Мерзкие фотографии. Душевная боль и ярость. Ночь. Роща. Бегство убудка. Блуждание по незнакомому лесу. Поляна и труп врага. А затем быстрая тень за спиной и человек с автоматом.

Дернул руками. Бесполезно. Связали меня крепко, а резкое движение отозвалось острой болью, которая сверху вниз, по позвоночнику, прокатилась по нервам организма. Тело при этом изогнулось в судороге и, не выдержав, сквозь зубы я застонал, а затем замер без движения. Гадать, где я находится, пока бесполезно. Вырываться тоже. И все, что оставалось, ждать. Чего именно? Этого я не знал. Может быть момента, когда меня развяжут, или смерти.

Прошло несколько минут. За это время мне стало немного легче, и я постарался проанализировать свое положение. Однако провести анализ не получалось, потому что не хватало информации, и в голове царил сумбур. Но попытка все же дала некоторый положительный эффект, и я подумал о том, что люди, которые вырубали меня и связали, оставили мне одежду, обувь и жизнь. Факт незначительный, но он немного обнадеживал. Ну и, кроме того, я лежал не на голой земле, а на плащ-палатке. И это еще один плюсики, который говорил о том, что если меня и убьют, то не сразу. Больше на ум ничего не приходило, и я вновь попробовал открыть глаза. Опухшие веки дернулись и приподнялись.

По зрачкам ударил дневной свет. Потекли слезы, но вскоре зрение адаптировалось и, осторожно поворачивая шею, у меня получилось немного оглядеться.

Я лежал в большом углублении между двумя упавшими старыми соснами. Видимо, рухнули они не так давно, может быть, с полгода назад. Колючие зеленые лапы огромных деревьев нависали над землей, и получался природный шатер, своего рода просторная палатка. Что находилось позади, не видно, но я чувствовал ствол еще одного дерева, а напротив него находился узкий лаз, который, наверняка, вел в лес. Слева от этого выхода валялся вскрытый рюкзак Каюмова, а справа два видавших виды потертых армейских вещмешка и квадратный походный ранец из окрашенной в темно-коричневый цвет кожи. В укрытии никого. Однако, прислушавшись к окружающим его звукам, среди

пения птиц и треска веток, которые раскачивались под напором осеннего ветра, я распознал человеческие голоса. Они приближались, и с каждой секундой звучали все явственней. Наконец, люди остановились перед лазом и, сам не понимая почему, я снова закрыл глаза, сдержал готовые вырваться из груди болезненные стоны и замер без движения.

В укрытие заглянул человек. Он промолчал, а затем вылез наружу, и я услышал простуженный мужской голос:

- Он еще без сознания.

- Точно? - спросил второй мужчина, по голосу, молодой.

- Да.

- Вязал его хорошо? Не вырвется?

- Обижаешь, Кольцо. У меня все на совесть. Когда это Миша Ковпак человека упустил? Не было такого, и не будет.

Короткая пауза и снова голос молодого, которого простуженный Миша назвал Кольцом:

- Ну, что думаете?

- К отряду надо пробиваться, - ответил Миша. - Здесь нас зажмут. Пока вокруг спокойно, нечисти нет - она за нашими погналась, но это ненадолго. Места здесь нехорошие, переход рядом, так что надо уходить.

- Елена, а ты что думаешь?

В разговор вступила женщина, голос которой звучал очень резко, и от него по моей коже прошла гусиная дрожь:

- В Ирму идти надо, там община крепкая и нас приветят. До реки не очень далеко, километров тринадцать-четырнадцать по лесу, а там плот. Сплывимся вниз по течению, и уже послезавтра будем на месте. Отсидимся в поселке,

осмотримся, и только тогда уже в Каменец пойдём. По дорогам до границы за пять дней доберёмся. А если попробуем за отрядом пойти, придётся через нежить пробиваться, а на это у нас может не хватить сил. Миша после ранения слаб и за нами не угонится, при беге рана откроется, да и потеряшка сгинет.

– А ты считаешь, что наш пленник потеряшка? – произнес Кольцо. – Сомнительно это. У него амулет демонов. Поэтому, скорее всего, он из пособников.

– Нет в нём зла, – помедлив, ответила Елена. – Просто человек оказался не в то время и не в том месте, значит надо разбираться, кто он таков.

– Насчет Ирмы согласен, – вновь услышался простуженный голос Миши. – А что касательно пленника, думаю, Елена ошибается. Надо допросить его, а потом ножом по горлу и все, – заминка, покашливание и снова Миша: – Но решать, конечно, тебе, Кольцо. Скажешь, потянем его на себе, но не лежит у меня к этому сердце. Ножиком по горлу оно как-то проще. Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы.

– Ты замашки свои уркаганские оставь, Миша, – с легкой усмешкой произнесла женщина. – Мы не людоловы, с которыми ты десять лет бок о бок пробегал, а повольники. Для нас человеческая жизнь не мелкая разменная монета, которую если потерял, не жалко. Нас, нормальных людей, и так не очень много, а ты говоришь – проблемы нет. Жизнь любого разумного существа, в ком искра разума есть, ценить надо. Ясно?

В вопросе Елены прозвучала угроза и Миша, который, видимо, опасался женщину, или сильно уважал, ответил без промедления и колебания:

– Да ясно все. Успокойся.

После этого наступила тишина. Люди молчали, наверное, думали. А я вслушивался в каждый шорох за пределами укрытия и дождался решения своей судьбы, которое огласил Кольцо:

– С пленным поговорим, и Елена к нему внимательней присмотрится, – слово «присмотримся» лидер выделил особо. – Если он из демонских пособников, кончаем его и уходим сами, а если потеряшка, тогда возьмем с собой.

– А вещички его? – спросил Миша.

– Разберемся. Заслужит, вернем.

– Жаль. Мне его рюкзак приглянулся и карабин хороший, новенький.

В этот момент, мне в нос попала пылинка и, не удержавшись, я чихнул. Люди снаружи замолчали, а спустя несколько секунд в укрытие один за другим проникли все, кто меня обсуждал. Они расположились полукругом, и молодой мужской голос произнес:

– Эй! Открывай глаза. Понятно, что ты уже в себя пришел.

Скрывать это теперь было бессмысленно и, поморщившись, я открыл глаза. После чего моргнул, и всмотрелся в странных людей перед собой. Почему странных? Потому, что они были одеты совсем не так, как принято одеваться в современном обществе. И помимо этого каждый был вооружен.

Справа от меня, поджав под себя ноги, на кучке старой хвои сидел русоволосый мужчина, на вид, не старше двадцати пяти лет. Одет в кожаную куртку с темными металлическими заклепками и потертые черные джинсы. На ногах ладные шнурованные сапожки, на голове темно-зеленая бандана, на груди стандартная армейская разгрузка с магазинами и парой гранат, а в руках обычный советский АКС. В общем-то, парень, как парень, типичный русак. Чрезвычайно серьезный и напряженный молодой человек, которому только дай повод, порвет противника на тряпочки, и после этого спокойно пойдет дальше по своим делам. Натуральный волк в человеческом обличье. Видимо, это Кольцо, старший в группе, которая меня захватила. Все признаки на лицо, заметно, что он лидер и других претендентов на человека с молодым голосом рядом не было.

В центре, по блатному, на корточках, в расслабленной позе, расположился скуластый сорокалетний крепыш. Гладко выбритая голова в лучиках солнца, проникающих в лесное укрытие и скользящих по лысине, блестит как бильярдный шар. На губах Миши улыбка, и вместо правого верхнего клыка видна золотая фикса. На теле обычный армейский камуфляж российской армии 90-х годов и разгрузка, поверх которой накинута проклепанная металлом кожанка, а из обуви ботинки на толстой подошве, что-то наподобие десантного образца. Из оружия у Миши карабин «Сайга-12С», который ранее принадлежал Каюмову и

сейчас висел за спиной, а в руках старый потрепанный АК-47. По внешнему виду, он одет как старослужащий солдат российской армии где-нибудь в полевых условиях при отсутствии высокопоставленного начальства. Однако в глазах у него столько плутовства, что любой опытный человек, который повидал жизнь, сразу определит в нем не бойца регулярной армии, а вора и прохвоста. И хотя я не мог отнести себя к такой категории людей, понять кто таков по жизни Миша Ковпак смог.

Наконец, третий человек, Елена. Коротко стриженная русоволосая женщина тридцати пяти лет, статная и с приметным косым шрамом на левой щеке. Подобно мужчинам, она одета в кожу, куртку с металлическими заклепками, широкие полотняные брюки и носила такие же сапоги, как и лидер группы. А из оружия Елена имела при себе короткий прямой меч сантиметров пятьдесят в длину, который висел в потертых ножнах на левом боку, и короткий лук с колчаном оперенных белыми перьями стрел за спиной. Взгляд женщины был направлен на меня, и когда я его поймал, практически сразу отвернулся. Слишком пронзительным он был, и мне показалось, что взор Елены заглядывал в самые потаенные уголки моей души.

Пока я рассматривал этих странных людей, они в свою очередь смотрели на меня. И когда я отвел взгляд от Елены, начался разговор.

– Поговорим? – предложил Кольцо.

– Можно, – я согласился. – Только воды дайте, а то в горле пересохло. И руки хорошо бы развязать, затекли.

– С водой проблем нет, – лидер группы отстегнул от пояса металлическую фляжку в зеленом матерчатом чехле, приложил ее к моим губам и когда я сделал несколько глотков, добавил: – А вот развязывать тебя рано. Надо разобраться кто ты такой.

– Как скажите. Сила на вашей стороне. Спрашивайте.

На меня посыпались вопросы. Кто? Откуда? Чем занимался? Что умею? Где учился и служил? Как попал в точку перехода? Почему рядом крутился «пособник»? Откуда у меня амулет в форме креста из четырех треугольников? Ну и так далее. Беседу вел исключительно Кольцо, а Миша и Елена выступали

наблюдателями. Я отвечал честно, хотя смысла некоторых вопросов не понимал, и сам о многом спрашивал. Но мои вопросы игнорировали, а настаивать на ответах, по понятным причинам, я не мог, не в том положении, чтобы от кого-то и что-то требовать.

Прошло около получаса. В горле снова пересохло, и меня опять напоили. После чего вновь спрашивали, откуда я и как попал в точку перехода. Но к счастью это были дополнительные и контрольные вопросы. И когда удовлетворенный разговором лидер повольников замолчал, в дело вступила Елена, которая крепко обхватила мое лицо мозолистыми ладонями, зафиксировала его, всмотрелась в мои глаза, а затем около минуты рассматривала их. И если поначалу было неприятно, ибо снова возникло ощущение, что женщина пытается разглядеть нечто личное, вскоре все изменилось. Когда Елена отпустила меня, я жалел, что не могу смотреться в ее глаза, которые, словно прочитали всю мою душу, вечно. Впрочем, это ощущение было мимолетным и, посмотрев на Кольцо, я спросил:

– Ребята, а где я нахожусь?

Кольцо дождался одобрителного кивка со стороны Елены и в свою очередь кивнул Мише. Крепыш наклонился ко мне и ловко распустил узлы веревок. Кровь побежала по затекшим жилам, я стал массировать кисти рук, и только после этого лидер ответил:

– Ты находишься на Кромке, – я хотел задать новый вопрос, но Кольцо удержал меня взмахом ладони и продолжил говорить: – Кромка эта планета, которая находится в смежном с нашей родиной, планетой Земля, пространстве. Некоторые называют ее Адом, другие Раем, третьи Чистилищем, а для нас она Кромка, иной мир с несколько иными законами, чем на Земле. Жить здесь можно, воздух и вода те же самые. Однако есть много опасностей, про которые ты еще узнаешь. А если тебя интересует, как ты сюда попал, объясню. Между Кромкой и Землей существует связь через порталы. И шагнув в туман, про который я тебя спрашивал, ты оказался в нашем мире. Такие вот дела. Хочешь, верь, а хочешь, нет, дело твое, но я сказал правду.

Молодой лидер замолчал. Он улыбнулся и переглянулся с Мишей, подмигнул ему и широкоплечий крепыш хмыкнул. Затем оба повольника посмотрели на меня, и я поинтересовался:

– А назад вернуться можно?

Повольники засмеялись, видимо, они ждали чего-то подобного. И отсмеявшись, Кольцо сказал:

– Все про это спрашивают, и ответ для всех один – нет. Вернуться на Землю нельзя. По какой-то причине порталы пропускают на Кромку все, что угодно, а на Землю только неодушевленные предметы. Такова реальность. А почему так и отчего, нам не интересно. Мы повольники и задумываться над глобальными вопросами нам ни к чему.

– А повольники это кто?

– Про наемников знаешь?

– Да.

– Вот мы и есть наемники. Однако работаем не только за материальные блага, но и за идею. Никому не подчиняемся и всегда сами по себе.

– А почему планета называется Кромка?

– Это граница между мирами живых и мертвых, поэтому и Кромка. Но об этом позже поговорим, на следующем привале. А пока...

Повольник хотел сказать что-то еще, но Елена резко щелкнула пальцами и мужчины моментально схватились за автоматы. Они вскочили на ноги и бросились к лазу, а снаружи раздался голос еще одного мужчины:

– Кольцо, мертвяки! Три десятка! Через пятнадцать минут будут здесь! Уходим!

– Подъем, Олег! – Кольцо кивнул на полупустой рюкзак Каюмова. – Хватай вещички и бегом за нами! Отстанешь, пропадешь! На нас вышли живые мертвецы. Не сказочные, мать их так, а самые, что ни на есть, настоящие. Это не шутка. Все ясно!?

Мне оставалось только согласно мотнуть головой, которая все еще болела. После чего я поднялся. Пошатываясь, подошел к рюкзаку, с трудом взвалил его на плечи, и вслед за повольниками, которые быстро закинули на себя поклажу, выполз наружу и оказался в залитом солнцем овраге. Помимо уже знакомых личностей, здесь находился еще один боец. Если судить по автомату и одежде, тоже повольник. Он что-то нашептывал лидеру и, выслушав его, Кольцо прошипел:

- Уходим к реке! За мной! Не отставать!

4

Легкой трусцой, словно не было за плечами поклажи, повольники побежали в сторону выхода из оврага, а я последовал за ними. Что происходит, разумеется, не понимал. Но чувствовал, что если отстану от группы, со мной случится нечто плохое. Поэтому спешил, как мог.

Легкий рюкзак, который не был подогнан под меня, бил по спине и постоянно съезжал набок. Грязная одежда быстро пропиталась потом. А еще давала знать о себе слабость после удара по голове. В общем, было тяжело и через пару километров, когда повольники выбежали на извилистую звериную тропу, я упал.

Группа на меня внимания не обратила. Повольники продолжали бег, и только Елена остановилась.

Женщина смерила меня оценивающим взглядом, вынула из внутреннего кармана куртки кусок липкой черной смолы и спросила:

- Жить хочешь?

- Да, - просипел я, после чего попробовал встать, но не смог.

Елена вложила в мою ладонь кусок смолы и сказала:

– Жуй, но не глотай. Он сам растворится. Это поможет. И не останавливайся. Беги. Остановка – это смерть. Очень поганая смерть.

– Ага!

Я закинул в рот смолу, которая была на вкус сладковато-приторной и пахла, словно гречишный мед. Зубы впились в мягкую, но противную субстанцию. Ароматная слюна потекла по пищеводу, и спустя минуту я почувствовал, что боль уходит, а голова очистилась от посторонних мыслей. Наступила легкая эйфория и мне показалось, что я готов свернуть горы.

«Наркота, – подумал я, поднимаясь и глядя вслед Елене: – Ну и плевать! Надо выжить, а все остальное потом».

Снова бег, такой же легкий и свободный, как у повольников, которых мы с Еленой догнали через десять минут. Дыхание ровное. Ноги уверенно ступали по траве и хвойному настилу. Здорово! И втянувшись в ритм движения, я даже смог немного подумать над тем, где оказался.

«Итак, Олег, – спросил я себя, – что мы имеем? Каюмов сдох и это хорошо. Но его прикончил другой человек, и это плохо. По словам повольников, я оказался на планете Кромка. И если им верить, здесь опасно и за нами гонятся некие живые мертвецы. Правда ли это? Пока неизвестно. Но то, что вокруг не подмосковные леса и я до сих пор не встретил ни единого куска полиэтилена или валяющихся под кустами использованных презервативов, факт. Кроме того, повольники выглядят как настоящие вояки. Оружие у них разнокалиберное, но рабочее, и на шутников они не похожи. А походят они на матерых убийц, которым такая никому ненужная и неприметная личность как Олег Курбатов просто-напросто не интересна. По крайней мере, на данном этапе, когда на хвосте погоня. Так что на розыгрыш все происходящее не похоже. И если так, вполне возможно, мне не солгали и я, в самом деле, оказался в ином мире. Это плохо? Да. Но, с другой стороны, на Земле меня никто не ждет, а люди везде остаются людьми. Со всеми своими достоинствами, слабостями и недостатками. Поэтому, может быть, удастся здесь прижиться, и хотя у меня много вопросов, думаю, со временем, ответы будут получены. В частности, откуда у повольников огнестрелы? Сколько людей в этом мире? Как они живут? Чем дышат? И кого здесь стоит опасаться?»

Километр сменялся новым километром. Повольники стали выдыхаться и чаще сменять бег на шаг. А потом упал Миша Ковпак, который, как я позже узнал, не так давно был ранен в ногу и, не долечившись, отправился в поход. Миша не приبلудный новичок, которого не жаль, и Кольцо устроил привал. Елена занялась Ковпаком, у которого открылось кровотечение и, нашептывая себе под нос какие-то слова, стала его перевязывать. Второй рядовой боец группы, по имени Серж, занял оборону в тылу. А Кольцо, перебрав вещи Миши, подозвал меня:

- Олег, иди сюда.

- Здесь!

Я по-прежнему ощущал небывалый прилив сил и бодрости. Поэтому подошел к лидеру быстрым шагом, и он передал мне карабин, патроны под гладкоствол и запаянный цинк с автоматными патронами калибра 7.62 мм:

- Держи! Патроны в рюкзак, оружие при себе. Понял?

- Выходит, вы мне уже доверяете?

Кольцо посмотрел на Мишу и ответил:

- Да. Если бы ты служил демонам, уже бы в спину ударил, или отстал, чтобы мертвяков подстегнуть. Но ты этого не сделал. Да и Елена говорит, что ты нормальный человек, а она женщина понимающая и мы ей доверяем.

- Понятно.

Снарядив магазины для карабина, я пристегнул один к оружию, а два вложил в глубокие боковые карманы куртки. После чего уложил цинк в рюкзак, подтянул ремни и посмотрел на повольника, который наблюдал за моими действиями. Кольцо одобритительно кивнул и сказал:

- Если придется стрелять в мертвяков, бей в голову, иначе толка не будет. Старайся их не подпускать. До реки осталось три километра, и там нас не достанут - нежити через проточную воду пройти трудно. Запомни - стреляй в

голову и старайся не бояться. Впрочем, сейчас это неважно, ты под «медовой смолкой» и тебе все одинаково, что бежать, что стрелять...

Неожиданно мимо повольников, совершенно не опасаясь людей, по звериной тропе пробежал олень. Гордый и красивый самец, вскинув к небу ветвистые рога, промчался, словно вихрь, и исчез. А следом за ним появился небольшой медвежонок, который на ходу ревел, словно звал потерянную мать, но не останавливался.

- Бегом! - выкрикнул Кольцо. - Миша, выдержи! Немного осталось!

- Постараюсь, - одергивая окровавленную штанину, просипел Ковпак.

- Побежали!

Опять бег. Повольники помчались по тропе, которая должна вывести нас к водопою, неподалеку от которого находился плот для переправы через реку. А мимо, обгоняя людей и, мешая движению, в ту же самую сторону мчались дикие звери: пара косуль, зайцы, медведица, догоняющая своего малыша, и волк-одиночка. Слева и справа от тропы тоже движение, и мелькали звериные шкуры.

«Словно позади пожар, - мелькнула в голове мысль, которая тут же, лишь только я зацепился взглядом за покачивающийся перед глазами ранец Кольца, сменилась следующей: - Мертвецы говоришь? Хм! Какие там мертвецы? Сказал бы сразу - мутанты местные или дикари, которые черепа раскрашивают. Так проще и понятней, а то придумал тоже, мертвецы. Жаль, что их не видно, хоть посмотрел бы на чудовищ, которых не только звери боятся, но и хорошо вооруженные люди».

Вторя моим мыслям, поток зверей иссяк и за спиной раздался голос Сержа:

- Они рядом! Догоняют!

Голос бойца звучал громко и вполне уверенно, но я почувствовал в нем еле заметную дрожь. После чего, невольно, как и вся группа, ускорился.

Истоптанная копытами и лапами тропа вскоре закончилась. Вперед вырвалась Елена, которая побежала вдоль берега. За ней устремился Миша, а Кольцо, Серж и я остановились. По моему мнению, позиция не очень хорошая. На пятьдесят метров вокруг открытое пространство, и если бы повольников стали обстреливать из кустарника, например, стрелами, укрыться было бы негде. Однако Кольцо и Серж вели себя уверенно, и я понадеялся, что эти опытные люди знают, что делают.

На минуту вокруг все успокоилось. Зверья не было. Слева большая спокойная река, которая по ширине около двухсот метров. Справа густой и высокий сосновый лес, где все деревья как на подбор, одно к одному, красавцы из которых можно хоть дом выстроить, хоть кораблик. Впереди прикрытая кустарником тропа. Позади тоже кустарник, в котором возились Елена и Миша. Они быстро раскидывали кучу из сучьев и мусора, по словам женщины, скрывающие от нескромных взглядов спасительный плот. Вроде бы все нормально. Но меня начало потряхивать. Поджилки на ногах затряслись, а на лбу выступила густая испарина. И заметивший это Кольцо, сказал:

– У тебя отходняки начинаются. Еще двадцать минут и свалишься. Но это ничего, на открытом пространстве с мертвяками воевать проще. Нам совсем немного нужно простоять, а потом уйдем, и все будет в порядке. Отоспишься и придешь в норму. Организм у тебя молодой, а значит, справится.

– Внимание! – встав на одно колено и, вскинув к плечу приклад АК-47, прокричал Серж. – Движение!

Кольцо последовал его примеру и приготовился к бою. Я немного замешкался, но лишь на мгновение. Дрожащими руками снял карабин с предохранителя, дослал патрон и посмотрел на кустарник сквозь мушку прицела.

Тихо, но тишина тревожная. Дернулась ветка на одном из кустов. Громко хрустнул сучок. Испуганная лесная птица с неприятным резким криком сорвалась с насиженного места и устремилась за реку.

Несмотря на смолку, которая притупляла чувства, я начал ощущать приближение чего-то очень нехорошего и крайне опасного. Причем чувство это было настолько сильным, что на голове зашевелились волосы. Впрочем, копаться в себе некогда, потому что появился противник. Из кустарника

выбежали сразу пять среднего роста обнаженных существ, которые весьма отдаленно походили на людей. У них имелось туловище, голова, руки, ноги и усохшие мужские гениталии. Но совершенно не было мяса и волос. Костяк и мышцы, которые обтянуты сухой желтоватой кожей, непомерно длинные кривые когти на пальцах и выпирающие вперед острые клыки. Вот как выглядели наши враги.

«И это мертвецы? – подумал я в один короткий миг, прежде чем палец потянул спусковой крючок. – По-моему, это какие-то бомжи-мутанты, страшные, конечно, но вполне понятные и не такие ужасные, чтобы их боялись вооруженные автоматическим оружием повольники».

Мысль пришла и улетучилась. И хотя никогда ранее я не принимал участия в реальном бою и все, что вынес из службы в доблестных Вооруженных Силах Российской Федерации это основы караульной службы и умение разбирать-собирать различные модели автомата Калашникова и ПКМ, у меня все получилось. Потому что не колебался и делал то же самое, что и повольники. Встал на одно колено, поймал в прицел бегущее на меня существо и выстрелил ему в грудь. Отдача ударила по плечу. Но все равно я увидел, что предназначенная для охоты на кабана пуля со специальным отверстием в центре, ударила противника в область сердца и повалила его на траву. Однако существо, у которого сквозь изорванную свинцом кожу стали проглядывать поломанные пулей белые ребра и какие-то внутренности черного цвета, не погибло. Лишь только оно коснулось земли, как сразу изогнулось и словно подброшенное пружиной, снова оказалось на ногах. После чего продолжило движение в мою сторону.

«Как это возможно!?» – мысленно воскликнул я. При этом краем глаза отметил, как экономно расходуют боеприпасы повольники, уже свалившие парочку странных тварей, и снова поймал в прицел своего подранка. Однако он, словно почуял, что сейчас в него опять выстрелят, и припал к земле.

Выстрел! Отдача! И пуля улетела в кустарник вдоль звериной тропы.

Выстрел! Снова мимо! Враг все ближе. Я уже видел его лицо, которое напоминало экзотическую демоническую маску из Индонезии и, несмотря на наркотик, страх стал пробирать меня всерьез.

Выстрел! Попал! Пуля задела руку существа, и перебила ему кость. Но тварь это не остановило. Она прыгнула и полетела прямо на меня.

В стволе последний патрон. Выстрел! Все замедлилось, словно в кино, и я увидел, как пуля врезалась в голову твари. Свинец вскрыл черепную коробку, и мозги странного существа, названного мертвецом, вместе с костями вылетели из головы, а продолжающая по инерции свой полет тварь, которую даже пуля в голову не остановила, рухнул прямо на меня.

– Мать моя женщина! – выдохнул я, после того как с трудом устоял на ногах, оружием оттолкнул от себя легковесный труп и стер с лица какую-то мерзко пахнущую гнилостную массу.

Пауза. Я огляделся и обнаружен, что бой пока окончен. Пять существ лежали на траве, а Кольцо склонился над Сержем, который, подвывая от боли, прижимал к груди сломанную правую руку.

Дрожащими руками, я потянул из кармана пропотевшей грязной куртки новый магазин. Со второго раза вставил его в карабин, передернул затвор и вновь приготовился к бою. Но в этот момент от реки раздался выкрик Елены, про которую я совсем забыл:

– Быстрее! Сюда!

На автомате, я закинул карабин на плечо. Потом помог Сержу встать на ноги и дойти до спущенного на воду добротного крепкого плота, дождался пока подойдет прикрывающий отход лидер и вместе с ним столкнул плавсредство с отмели. Плот стало медленно выносить на стремнину. Я запрыгнул на бревна и здесь позволил себе немного расслабиться.

Не обращая внимания на Мишу и Кольцо, взявших крепкие длинные шесты, и на Елену, которая возилась с раненым Сержем, я склонился над чистой речной водой и стал отмывать испачканное лицо. К горлу подступил комок, и я сплюнул в реку, скопившуюся в гортани жирную желчь. Одновременно с этим пришла слабость и, положив правую руку на свое оружие, я лег на спину и посмотрел в чистое синее небо, по которому плыли маленькие белые облака. Голова кружилась, и я опять стал слабым избитым человеком, который не ел два дня, минувшей ночью получил серьезное сотрясение мозга и бежал несколько часов

подряд по лесным чащобам. Снова все стало плохо и безрадостно. Начался откат после приема «медовой смолки» и мир вокруг подернулся дымкой. Поэтому я не видел того, что на берегу появились новые мертвяки, но зато слышал разговор повольников.

– Как он тебе? – кивнув на меня, спросил своего старшего Миша.

Кольцо, который наблюдал за бежавшими вдоль берега вслед за плотом мертвяками, промолчал и только поднял вверх большой палец правой руки.

– Значит, нормально, – морщась от боли в ноге, присаживаясь на бревно, сказал Миша и добавил: – Получается, карабин и рюкзак я не получу. Жаль, а я так ждал, надеялся и верил...

5

От места боя с мертвяками повольники отплыли не очень далеко, километров десять. После чего стемнело, и они были вынуждены пристать на ночевку к берегу. Только не к правому, на котором находились живые мертвецы, а к чистому от нежити левому.

Ночь прошла спокойно, и нас никто не тревожил. Не зажигая костра, мы смогли отдохнуть, а с утра продолжили свой путь к поселению Ирма. Кольцо был за рулевого. Миша ему помогал и наблюдал за обстановкой. Елена занималась раненым Сержем, которому она оказала первую медицинскую помощь и довольно грамотно наложила на поломанную руку бойца шины. А меня повольники не трогали, ни о чем не спрашивали и никаких задач, вроде ночного караула, не ставили. Они дали мне возможность немного придти в себя. При этом помощь никто не оказывал, страдай тихо и не мешай, вот и все. Хотя из вида меня не выпускали. Видимо, новые знакомые продолжали ко мне присматриваться.

Половину я ночи скрипел зубами и стонал. Ломота и боли во всем теле выкручивали мышцы, и заснуть не было никакой возможности. Поэтому я ворочался в спальном мешке и раз за разом пытался переосмыслить все, что со

мною произошло. Вот только голова не соображала и периодически кружилась, словно я находился в сильном алкогольном опьянении. Раз за разом меня накрывали приступы и только под утро я смог немного подремать. А проснулся примерно в шесть часов утра, когда повольники стали вновь грузиться на плот и готовились к отплытию.

На борт меня не приглашали и, собрав свои немногочисленные пожитки, я взошел на плот самостоятельно. Затем выбрал место и присел, чтобы не мешать повольникам.

Мне хотелось есть. Однако попросить новых знакомых о том, чтобы они поделились провиантом, я не решался. А рубать в одно жало имеющиеся у меня консервы, колбасу и хлеб, посчитал неправильным. Поэтому решил немного потерпеть и подождать дальнейшего развития событий.

Плот отошел от берега и вскоре оказался на середине реки, которая называлась Тихая. Небыстрое плавное течение понесло связанные в три наката бревна и находящиеся на них люди на юг. Вокруг все спокойно, коряг на речной глади нет и мертвяки с правобережья исчезли. Можно немного расслабиться и повольники собрались позавтракать.

На относительно ровном участке бревенчатого настила Елена расстелила потертую, но чистую армейскую плащ-палатку, и выложила на нее порезанный мелкими кусочками шмат копченого сала и килограммовый каравай серого хлеба. После этого к импровизированному столу приблизился Миша, который из своего вещмешка и поклажи Сержа достал двухлитровую пластиковую бутылку с зеленоватым фруктовым напитком, пласт вяленого мяса, несколько крупных красных яблок и еще один круглый серый хлеб. Затем настала очередь Кольца, на время оставившего свое место рулевого. И лидер добавил к трапезе свежий лучок, несколько крупных головок чеснока, круг домашнего козьего сыра, копченую ветчину в чистой белой тряпице и пару крупных сушеных рыбин, кажется, лещей.

Все это делалось как-то само собой, естественно, привычно и непринужденно. Повольники не оглядывались один на другого, и не глотали слюни, положил и отошел. Дальше очередь следующего. И как только Кольцо закрыл свой ранец, настала моя очередь подойти к плащ-палатке. Из рюкзака появились две банки говяжьей тушенки, батон в полиэтилене, палка сырокопченой колбасы и литровая бутылка водки. Я все сделал правильно, за исключением одного.

Алкоголь в походе использовался только в медицинских целях и на этом походном пиршестве он был лишним. Кольцо сразу объяснил мне ошибку и пояснил, что за употребление водки, вина или пива за пределами поселковых стен, у повольников наказание одно – смерть.

Я убрал спиртное обратно в рюкзак. Люди расселись вокруг плащ-палатки, приступили к трапезе, и завтрак прошел в молчании. Повольники для себя уже все решили и следовали к своей цели, а я просто насыщался. Рыба, тушенка, хлеб, колбаса, зелень, сыр, ветчина и яблоки. Все летело в топку желудка. И когда я, наконец-то, забил сосущее чувство голода, то сел на рюкзак и выкурил одну из пяти оставшихся у меня сигарет. А затем всего на секунду прикрыл глаза и снова провалился в сон. Организм требовал покоя, и он его получил.

Разбудили меня на обед и, снова подкрепившись, я опять заснул. И так прошел второй день моего пребывания в новом мире...

6

Вечером плот вновь пристал к берегу. Кольцо осмотрелся и разрешил развести костер. Елена сварила пшеничной каши с салом. И после ужина я стал думать о том, что ждет меня впереди, а попутно собирать информацию о Кромке и местном житье-бытье. Ведь если домой вернуться нельзя, придется обжиться на новой родине. А начал я с того, что провел ревизию всего имеющегося у меня имущества, на которое никто из новых знакомых не претендовал.

Переворошив рюкзак и карманы, пришел к выводу, что все не так плохо, как могло быть. Потому что в этот мир я попал не пустой и кое-что у меня имелось. Комплект одежды: камуфляж, куртка, хороший кожаный ремень и потрепанные ботинки. Карабин, три пятизарядных магазина к нему и девяносто пять патронов: сорок пять пулевых и полсотни с крупной картечью. Неплохой туристический нож «Глухарь», одноразовая зажигалка и четыре сигареты. Паспорт и мобильный телефон. Спальный мешок и рюкзак. Две литровые бутылки водки «Абсолют», три банки тушенки, три банки рыбных консервов, палка сырокопченой колбасы и пара пакетов с лапшой быстрого приготовления. А помимо этого сорок новеньких красных бумажек номиналом по пятьсот рублей каждая.

В общем, нормально. И единственное, чего не хватало в вещах, амулета, который был у Каюмова, и золотого перстня-печатки с китайским иероглифом. Но Кольцо, пояснив, что это нечистые вещи, которые необходимо сдать княжеским ведунам, сразу же их забрал, а спорить с ним я не стал. Да и не до того мне было, когда связанный я лежал в лесном убежище, а после бежал по звериным тропам, стрелял в мертвяков и отходил от действия сильнодействующей наркоты.

Собрав рюкзак, я подошел к костру. Лидер группы, раненый Серж и Елена уже спали. Поэтому у огня, на охране, находился только Миша Ковпак. Я присел на бревно рядом с ним, и повольник протянул мне литровую жестяную кружку с какой-то темной вязкой жидкостью.

- Это что? - приносиваясь к напитку, спросил я.

- Чифир, - Миша ухмыльнулся и добавил: - настоящий, из чая.

- А что, здесь чай растет?

- Нет. Это из старых запасов. В прошлом году на развалинах одного поселения схрон нашел, а там такого богатства два мешка. Хороший год был и поход удачный. Я за один раз столько хабара взял, что мне на всю зиму хватило и на весну осталось.

Сделав небольшой глоток горького чифира, я почувствовал себя намного лучше. Сонное состояние на время отступило, и сердце забилось быстрее. После чего кружка вернулась повольнику, и я обратился к нему:

- Миша, а расскажи про Кромку?

- Это дело долгое.

- А мы никуда не торопимся. Тебе половину ночи на посту сидеть, а я с тобой.

- Ладно, можно и поговорить. С чего начать?

Я помедлил, достал из кармана сигаретку, прикурил ее от горячей веточки и сказал:

– Для начала хотелось бы знать, что такое точки перехода и как сюда люди с Земли перемещаются?

– Резонно. – Ковпак глотнул чифира, поставил кружку поближе к огню, чтобы она не остывала, и прислушался к ночному лесу. Невдалеке пела свою песню ночная птица – верный признак, что нежити рядом нет. И пододвинув к себе автомат, Миша заговорил: – Точки перехода между мирами, они же порталы, являются загадкой, которую никто толком объяснить не может. Одни говорят, что это физическое явление, другие, что магическое, но точного ответа нет. На Земле про них знают давно. Только доступна эта информация очень и очень немногим. Не оглашают ее, а почему и отчего, со временем сам поймешь. Но если попростому, то обладатели секрета преследуют свои цели и не желают будоражить народ. Ни к чему это, а те, кто здесь оказался, естественно, широкой общественности ничего рассказать не могут. И все, что нам, местным жителям, достоверно известно, это то, что некоторые точки в определенной последовательности соприкасаются с нашим родным миром, который находится на уровень выше Кромки, и еще одним миром, находящимся внизу. Появляется туман, который накрывает строго ограниченное пространство, иногда квадрат метр на метр, а порой, целый квадратный километр. И все, что есть инородного в этом месте, люди или вещи, перебрасывается с Земли на Кромку. Затем через какое-то время происходит обратный процесс, но на нашу родину переносится только нечто нематериальное, а любая органика остается здесь. Эти процессы, которые можно сравнить с приливами и отливами, происходят уже тысячи лет и первые земляне появились здесь еще задолго до Рождества Христова. И если бы не порталы, которые имеют связь с Нижним Миром, – Миша ткнул указательным пальцем себе под ноги, – мы давно бы всю планету заселили, и жили бы не хуже, чем на Земле.

– А что это за Нижний Мир?

– Такая же планета, как Кромка и Земля, только населенная тварями, которые весьма сильно напоминают сказочных демонов, бесов, чертей, упырей, василисков и прочую нечисть. Через порталы они переходят на Кромку и пытаются здесь закрепиться. А поскольку эти твари очень сильны в магии и неплохо понимают, что такое биотехнологии, противники они опасные, и борьбу с нами ведут привычными для себя методами. Они строят замки и крепости. С

помощью подручных чистят от нас пространство вокруг своего нового дома. Оживляют мертвецов, которых ты вчера видел. Отлавливают диких зверей и видоизменяют их, превращая в монстров. А при прямом столкновении используют то, что у нас называют экстрасенсорными способностями.

- А конкретней?

- Могут в голову залезть и заставить человека выстрелить себе в сердце. Часто страх и ужас напускают, проклятия насылают, могут заморозить или спалить огнем и много еще чего. Так что если бы не ведуны с ведуньями, нам даже огнестрелы не помогли, людей перебили бы всех до единого.

Посмотрев в темноту, где, закутавшись в теплую скатку, спала женщина, я кивнул в ее сторону:

- Елена ведунья?

- Да. Не самая сильная, но и не из слабых. Ее предки здесь еще семьсот лет назад оказались, когда на Руси христиане славянских кудесников на костры тянули. Тогда народ понимал побольше нашего, и в те времена сюда много людей перебралось. Не случайно оказались, как ты, и не насильно, как я, а по собственному желанию и с четким пониманием, куда они идут и отчего бегут. Позади неминуемая смерть в огне, а впереди дикий мир, в котором мало людей и много тварей из темной бездны. Был выбор, и они сделали его в пользу Кромки.

- Миша, а что значит, насильно попал? Как ты здесь оказался?

- Хм! - бритоголовый крепыш ухмыльнулся, опять приложился к кружке и продолжил: - Мой тебе совет, старайся поменьше спрашивать у людей, как они здесь оказались - это многих напрягает. Я раньше и сам не любил про это вспоминать, но прошло время, кое-что в жизни изменилось и можно рассказать. Как я тебе уже говорил, на Земле про Кромку знают. Но это очень ограниченный круг людей. При царизме сюда каторжников ссылали, которые в обмен на продукты и боеприпасы отправляли на родину золото и драгоценные камушки. Но каторжане здесь не удержались и разбрелись кто куда. Затем, при первых коммунистах, снова попробовали колонию организовать, коммуну, и опять впустую. После, с подачи Сталина, на Кромке несколько экспедиций застряло. А когда в Россию пришел дикий капитализм, и государство перестало

контролировать точки перехода, ответственные товарищи, которые держали связь с местными жителями, все поголовно начали собственный бизнес. Сюда иногда отправляют ненужных на Земле людей, за которых никто не спросит, продовольствие, старое оружие, дизеля, примитивные станки, снаряжение и одежду. А с Кромки получают золото, драгоценные камни и все, что может дорого стоить. Размен при этом, само собой, совершенно грабительский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/vasiliy-saharov/kromka>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)